

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
РУССКОГО
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Сборник 111

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1960

Д. Г. РЕДЕР

НАУЧНАЯ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М. В. НИКОЛЬСКОГО

Михаила Васильевича Никольского считают основоположником русской ассириологии.

Б. А. Тураев называет его «первым русским ассириологом» и «отцом русской ассириологии»¹.

Но это не значит, что научная деятельность М. В. Никольского ограничивалась изучением клинописных документов. Михаил Васильевич был одним из крупнейших семитологов своего времени и одновременно историком Древнего Востока и в некоторых своих исследованиях уделял внимание памятникам древневосточного искусства. Его научное творчество характерно многогранностью. Филология, археология и искусствоведение признавались им в одинаковой мере необходимыми для основной цели, к которой он стремился для восстановления общей картины формирования и развития древней культуры Передней Азии.

Путь, по которому М. В. Никольский пришел к своей специальности, был весьма своеобразен. Высшее образование он получил в Московской духовной академии, но по ее окончании отказался от богословской деятельности и предпочел скромное положение преподавателя древнегреческого языка в средних учебных заведениях Москвы.

Некоторое время Михаил Васильевич работал в Московском университете в качестве «приватного» преподавателя. Как выдающегося знатока-семитолога его пригласили для преподавания древнееврейского языка и ассириологии, но при этом не включили в постоянный штат преподавателей университета и, по остроумному замечанию Б. А. Тураева, большую часть сво-

¹ Б. А. Тураев, *Ученые заслуги Михаила Васильевича Никольского*, М., 1915, стр. 1.

ей жизни он был «частным ученым» и «работал при самых невыгодных научных и материальных условиях»².

Лишь на шестьдесят первом году своей жизни, 15 ноября 1908 г., Михаил Васильевич получил степень доктора всеобщей истории, присужденную ему Петербургским университетом «honoris causa».

М. В. Никольский не был узким специалистом и кабинетным ученым. Свои творческие силы и энергию он посвящал не только кропотливому исследовательскому труду, но и широкой практической деятельности.

В условиях дореволюционной России не было больших возможностей для изучения ассириологии и планомерного накопления необходимых для этого материалов. В выступлениях М. В. Никольского на научных заседаниях неоднократно слышались жалобы на равнодушие русского правительства и «финансовых кругов» к делу изучения Древнего Востока. В то время как западные страны тратили миллионы на организацию раскопок древнейших центров культуры, Россия отставала в этом отношении, и Михаил Васильевич как патриот своей родины неоднократно протестовал против такого положения. Он был уверен, что русская наука имеет все данные для успешного соревнования с западноевропейскими и американскими учеными в изучении очагов цивилизации Передней Азии, с которыми именно Россия особенно тесно связана географически и исторически.

Несмотря на все препятствия, Михаилу Васильевичу удалось добиться серьезных сдвигов и создать необходимые предварительные условия для развития зарождающейся русской ассириологии.

По его инициативе были отлиты в Москве клинописные шрифты (ассирийский и урартский), которые, по авторитетному суждению Б. А. Тураева, в техническом отношении оказались совершеннее соответствующих западноевропейских шрифтов³.

В 1887 г. по инициативе Михаила Васильевича была создана Восточная комиссия при Императорском московском археологическом обществе⁴. Записка о необходимости образования этой комиссии была напечатана два года спустя в протоколах заседаний Восточной комиссии и свидетельствует о широких

² Там же, стр. 5.

³ Там же, стр. 3.

⁴ «Груды Восточной комиссии Императорского московского археологического общества», — ДВ, т. II, вып. 1, М., 1889, приложение, стр. 3—11.

планах, которые Михаил Васильевич считал необходимым осуществить для того, чтобы русские востоковеды не уступали иностранным ученым возможности изучения памятников Востока.

В первую очередь Михаил Васильевич считал необходимым начать изучение памятников старины, находящихся на территории России, особенно на Кавказе и в Средней Азии.

М. В. Никольский призывает русских археологов исследовать памятники древности, скрытые в недрах Средней Азии.

«Нашей науке, — пишет он, — недостойно было бы ожидать, пока явятся иностранцы и примутся за собирание археологического и исторического материала в этих местах, надобно нам самим составить план систематического завоевания этого края (т. е. Средней Азии. — Д. Р.) для науки и разработать собственными силами весь материал, который удалось бы нам достать»⁵.

В настоящее время, когда развернулись грандиозные работы по изучению прошлого народов Средней Азии и благодаря открытиям советских исследователей написаны новые страницы истории Древнего Востока, посвященные Хорезму и сопредельным с ним странам, не мешает вспомнить о том, что шестьдесят с лишним лет назад выдающийся русский ученый призывал к изучению малоизвестных областей и предвидел эти огромные успехи.

Но М. В. Никольский считал необходимым для русских археологов и историков принять активное участие также и в изучении памятников зарубежного Востока, подчеркивая, что мы ближе всех стоим к Востоку.

Напомнив о клинописных текстах, найденных в Закавказье, о многочисленных персидских вещах, обнаруженных на территории нашей страны, Михаил Васильевич указывает, что успешное изучение этих документов невозможно в стрыве от памятников, находящихся за рубежом, в первую очередь в Месопотамии⁶.

Восточная комиссия, созданная при Московском археологическом обществе, наряду с параллельным объединением петербургских востоковедов (Восточным отделением императорского Русского археологического общества) координировала работу русских филологов, археологов и историков, изучающих Восток.

⁵ Там же, стр. 6.

⁶ Там же, стр. 9.

В течение девяти лет М. В. Никольский являлся секретарем Восточной комиссии и редактировал ее труды. И в дальнейшем, до последних дней своей жизни, он принимал участие в работе ученого общества, созданного по его инициативе⁷.

Пять объемистых томов «Древностей восточных», которые появились на протяжении 26 лет (1889—1915), свидетельствуют о большой научной деятельности Восточной комиссии.

По предложению М. В. Никольского в 1893 г. была снаряжена археологическая экспедиция в русскую Армению во главе с ним и А. А. Ивановским. В то время, когда последний производил раскопки каменных ящиков и курганов бронзового и железного веков, Михаил Васильевич копировал, переводил и комментировал клинописные тексты урартов, высеченные на каменных стелах и скалах.

Результатом этих работ были два тома, вошедших в серию «Материалов по археологии Кавказа»⁸, без которых теперь не может обойтись ни один исследователь Урарту и урартского периода в истории Закавказья.

За V том, принадлежащий перу М. В. Никольского, императорское Русское археологическое общество присудило автору золотую медаль. Однако успехи экспедиции 1893 г., а также последующих экспедиций 1894 и 1896 гг. не удовлетворили Михаила Васильевича. Его планы были гораздо шире. Незадолго до смерти, в январе 1915 г., вспоминая о работах, производившихся в 90-х годах, М. В. Никольский рассказывал о том, с какой тоской он и А. А. Ивановский взирали на вершины Арарата, за которыми лежали области, недоступные для их археологической деятельности.

В 1894 г. А. А. Ивановский предпринял попытку, рискуя жизнью, перенести археологические изыскания на турецкую территорию. Ему удалось проникнуть в Баязит и скопировать там один из скальных барельефов. Но вскоре он был арестован турецкими властями и лишь после многих мытарств возвратился в Россию.

В дальнейшем, когда Турция попала под влияние германского империализма, М. В. Никольский весьма трезво оценивал роль германской науки и, не отрицая ее достижений в отдельных областях, понимал, что за спиной немецких археологов, филологов и историков стоят политические и финансовые кру-

⁷ Б. А. Тураев, *Ученые заслуги Михаила Васильевича Никольского*, стр. 2.

⁸ М. В. Никольский, *Клинообразные надписи Закавказья*, М., 1896, — «Материалы по археологии Кавказа», вып. V. К изданию приложены 32 табл. иллюстраций и карта.

ги, для которых наука служит только прикрытием хищных, захватнических планов.

Будучи сторонником систематического и точного исследования, М. В. Никольский резко выступает против методов германских археологов Г. Нельдеке, Р. Кольдевея и В. Андрэ, стремящихся к эффектным открытиям, часто во вред интересам науки. Раскопки немецких археологов, по меткому замечанию Михаила Васильевича, часто носили характер беглых разведок.

Вслед за археологами, нашедшими ценные комплексы памятников, но не считавшими нужным довести раскопки до конца, к обнаруженным архивам устремляются местные жители. Они продолжают раскопки хищническим образом и затем продают клинописные таблетки всякому желающему.

Турецкое правительство не принимало никаких мер против самовольных раскопок и само покупало добытые контрабандой научные коллекции для Оттоманского музея. Таким же путем пополнялись Британский, Берлинский музеи и Лувр. Хотя часть памятников, добытых подобным способом, попала благодаря усилиям В. С. Голенищева и Н. П. Лихачева в Россию, М. В. Никольский предпочитал, чтобы в дальнейшем месопотамские памятники доставлялись к нам иным путем, в результате организованных раскопок.

М. В. Никольский призывал к прекращению бессистемных раскопок в Месопотамии. Он выдвинул проект создания Международной комиссии, в которой обязательно должна принять участие русская миссия, чтобы упорядочить изучение месопотамских древностей⁹.

Он твердо верил в то, что в будущем долина Тигра и Евфрата перестанет быть для русских «terra incognita», о которой мы знаем «только из учебников по географии и истории»¹⁰.

М. В. Никольский считал также необходимым участие русских археологов в изучении Палестины. Правда, надо отметить, что в качестве обоснования реальных планов научного исследования он приводит чисто богословские аргументы и вызывает к религиозным чувствам русского народа.

В этом, конечно, сказались традиции Московской духовной академии, хотя в большинстве его научных трудов богословские тенденции отнюдь не чувствуются.

⁹ М. В. Никольский, *Задачи русской археологической и исторической науки в Палестине и Месопотамии в связи с современными мировыми событиями*, — ЗВОРАО, «Древности», отпечаток из XXV т., М., 1915, стр. 18—20.

¹⁰ Там же, стр. 15.

Описав открытия, произведенные французскими, английскими и немецкими исследователями, М. В. Никольский с прискорбием констатирует, что русские археологи в изучении Палестины отстали.

«До сего времени, — пишет он, — наша русская наука не принимала никакого участия в тех исследованиях почвы Палестины, о которых я говорил, ни в производстве раскопок, ни в разработке научных данных, ведущих к разрешению важнейших проблем библейской науки, ни даже в командировании представителей научного знания в Палестину для ознакомления с постановкой в ней этого рода исследований»¹¹.

Михаил Васильевич надеется на то, что в дальнейшем такое ненормальное положение изменится и в деле археологического изучения Палестины (как и других восточных стран) русская наука скажет свое слово.

Изучение документов по социально-экономической истории Двуречья

Одной из основных заслуг М. В. Никольского является изучение экономических документов древнего Шумера.

Чтобы в должной степени оценить его роль в развитии этой отрасли ассириологии, необходимо учесть ту обстановку, в которой находилась ассириология к началу XX в. Главное внимание исследователей было устремлено на открытие и изучение ярких и эффектных памятников: дворцов, храмов, зиккуратов, замечательных произведений скульптуры и ювелирного искусства.

Что касается письменных памятников, то предпочтение отдавалось официальным царским надписям, повествующим о военных предприятиях и строительстве древних властителей, или произведениям религиозно-магического характера и памятникам художественной литературы.

Меньший интерес возбуждали скромные глиняные таблечки, на которых были начертаны монотонные ряды цифр и короткие заметки. Ясно было, что эти беглые записи являлись счетами, списками людей, скота и различных продуктов, в общем деловыми сводками древнейших в мировой истории счетоводов.

Михаил Васильевич, который, как мы видели, всегда был противником подхода к историческим памятникам с точки зрения их коммерческой стоимости, одним из первых обратил вни-

¹¹ Там же, стр. 12.

мание на документы, казавшиеся скучными и малоценными для большинства ассириологов.

Показательно, что открытые в 1877 г. и в последующее время французским археологом Э. де-Сарзекком тысячи экономических документов указанного характера долгое время лежали в музеях неизученными.

Количество этих документов все время увеличивалось благодаря организованным раскопкам, а также поискам отдельных лиц. Значительная часть таблечек с помощью Н. П. Лихачева попала в Россию. Однако использовались они очень мало.

Из полутора тысяч таблечек, относящихся ко времени Урук-кагины, в начале XX в. (через 25 лет после открытия архивов Телло) была издана всего 51. К тому же французский ассириолог Ф. Тюро-Данжен издал таблечки Луврского музея без распределения по рубрикам, не снабдил их транскрипцией, переводом и комментариями¹².

Таким образом, по существу именно М. В. Никольский является инициатором углубленного изучения древнейших памятников учетного характера, происходивших из Шумера.

В 1907 г. он помог Н. П. Лихачеву издать одиннадцать образцов булл и печатей¹³, а затем, с разрешения владельца коллекции, дал полное издание всей серии документов (за исключением трех, не поддающихся разбору). Это монументальное издание вошло в третий том «Древностей восточных» под заглавием «Документы хозяйственной отчетности древнейшей эпохи Халдеи из собрания Н. П. Лихачева»¹⁴.

От упомянутого выше издания Ф. Тюро-Данжена труд М. В. Никольского отличается не только своим объемом (325 документов по сравнению с 51 луврским), но в первую очередь по качеству обработки. Михаил Васильевич дал прекрасные, четкие автографические копии. Чтобы в должной мере оценить проделанный им труд, надо помнить, что шумерийская клинопись (в отличие от ассирийской и урартской) не отличалась четкостью знаков. Приходилось с большим трудом разбирать бесчисленные нагромождения клиньев и восстанавливать сложные комбинации.

Шумерийский язык не был еще достаточно изучен. Многие слова не имели точного перевода. Все эти трудности не остановили выдающегося русского исследователя. Ему удалось дать

¹² F. Thureau-Dangin, *Recueil de tablettes chaldéennes*, Paris, 1903.

¹³ Н. П. Лихачев, *Древнейшие буллы и печати Ширпурлы*, — «Записки классического отделения императорского Русского археологического общества», т. IV, 1907, СПб., стр. 225—263.

¹⁴ ДВ, т. III, вып. 2, СПб., 1908.

транскрипцию и точный перевод ряда текстов. Что касается остальных документов, то Михаил Васильевич, отказавшись от полного перевода, сделал пересказ, достаточно подробный для использования содержащихся в них статистических данных.

Особенную ценность представляет составленный автором обстоятельный указатель, в частности его первый раздел, посвященный должностям и обязанностям лиц, упомянутых в изданных текстах. Здесь выявляется значение каждого шумерийского социального термина, приводятся ассиро-вавилонские аналогии, высказываются интересные предположения, дающие основу для социально-экономического анализа.

Изданию предшествует введение, и к каждому из девяти разделов, по которым распределяются документы, приложен подробный комментарий.

Не ограничиваясь непосредственной интерпретацией текстов, М. В. Никольский выдвигает ряд исторических вопросов, возникающих в результате анализа этих текстов, и стремится к их решению.

Большие затруднения вызвала прежде всего датировка серии. На некоторых табличках указаны даты периодов правления патеси: Уруагины, Лугальанды и Энлитарзи. Все трое, безусловно, являлись современниками, причем каждый из них правил не менее шести лет. Все это было точно установлено, но последовательность правлений оставалась неясной. В отличие от Ф. Тюрю-Данжена, считавшего Энлитарзи и Лугальанду предшественниками Уруагины, М. В. Никольский предложил новую гипотезу, согласно которой оба эти патеси принимались за преемников Уруагины. Однако в дальнейшем эта гипотеза не подтвердилась. Впрочем, и сам он считал ее лишь предварительной и внес оговорку, подчеркнув, что «...вопрос о последовательности царствования трех патеси, которым принадлежат издаваемые документы, равно как вопрос о датировке табличек по годам царствования, представляет немало затруднительного и не может считаться вполне решенным»¹⁵.

Безусловным он считал лишь наличие тесной хронологической связи между всеми тремя царствованиями, достаточно объясняющей единство данной серии в отношении палеографии, языка и ономастики.

Весьма осторожно М. В. Никольский подошел к решению вопроса об абсолютной хронологии Уруагины и его предполагаемых преемников (или, как признано теперь, предшественников).

¹⁵ Там же, стр. 7.

Присоединившись к мнению Ф. Тюрю-Данжена, установившего, что Урукагина жил в досаргоновский период, М. В. Никольский стремился к хронологической фиксации периода царствования Саргона. Для этой цели можно было бы использовать известное указание последнего нововавилонского царя Набонида (555—538 гг. до н. э.), который утверждал в одной из своих надписей, что Нарамсин жил на 3200 лет раньше. Нарамсин являлся одним из преемников (как выяснено в настоящее время, — внуком) Саргона. Поэтому для времени Саргона получалась довольно точная дата: 3800 г. до н. э. Однако М. В. Никольский согласился принять предлагаемую дату только как условную, заявляя: «Не входя в ближайшее рассмотрение этого вопроса, мы все-таки допускаем, что дата Набонида не может быть принимаема без оговорок, как нечто данное, так как при таких колоссальных вычислениях, простирающихся на несколько тысячелетий, даже при существовании документальных данных, могли быть серьезные ошибки, равно как могли быть и описки в самых надписях Набонида»¹⁶.

В настоящее время, когда мы знаем, что Набонид ошибся на 1400 с лишним лет, не мешает вспомнить об осмотрительности М. В. Никольского, который это предвидел, в отличие от многих ассириологов, не сомневавшихся в правильности выкладок Набонида (напомним, что даже такой недоверчивый и критически настроенный исследователь, как немецкий ассириолог К. Бецольд, считал возможным говорить о том, что в надписи Набонида «найдена хронологическая точка опоры для определения эпохи царствований Нарамсина и Саргона»¹⁷).

М. В. Никольский понимал всю важность опубликованных им документов для социально-экономической истории Месопотамии.

«Материал этот, — пишет он, — еще мало исследован, но это исследование, успех которого обеспечивается его значительным объемом, открывает возможность проникнуть в социально-экономические отношения столь отдаленных эпох, из коих древнейшая приближается к самой заре нашей культуры»¹⁸.

Значительная часть изданных М. В. Никольским документов касается сельского хозяйства.

М. В. Никольский подметил характерную черту шумерийского права, а именно, различие, проводимое между официальным и фактическим собственником земли.

¹⁶ Там же, стр. 5.

¹⁷ К. Бецольд, *Ассирия и Вавилония*, СПб., 1904, стр. 26, пер. с нем. Г. Г. Генкеля.

¹⁸ ДВ, т. III, вып. 2, стр. 1—2.

«Распоряжение этими полями (т. е. участками, упоминаемыми в № 30—51 издаваемой серии. — *Д. Р.*) принадлежит властителям Ширпурлы (устарелое чтение названия шумерийского города; современное чтение — Лагаш. — *Д. Р.*) (царю или патеси) или их женам и управляющим (*nu-zanda*), но на многих из них (№ 30, 31, 32, 35, 43 и 47) имеется имя богини Бау как владелицы земли. Сопоставляя этот факт с многочисленными упоминаниями этой богини в вышерассмотренных таблетках 1-й серии (реестры служащих и рабочих. — *Д. Р.*) и следующей, 4-й серии (отдел зернового хлеба. — *Д. Р.*), где также фигурирует имя богини Бау как верховной властительницы служащих людей и выдаваемого содержания, следует прийти к заключению, что если не вся, то значительная часть земли Ширпурлы находилась в так сказать идеальном владении богини, а распоряжение ею принадлежало царям, патеси и зависящим от них лицам (членам семьи и чиновникам)»¹⁹.

В этой полной характеристике подмечены существенные признаки восточной деспотии. М. В. Никольский никогда не был марксистом и вряд ли подозревал, что собранный им материал прекрасно иллюстрирует положение К. Маркса об отсутствии в основных азиатских странах частной собственности на землю.

Наличие двух верховных собственников: воображаемого (богини Бау) и реального (патеси или царя) — лишний раз подтверждает формулировку К. Маркса, в которой характеризуется своеобразие земельной собственности на Древнем Востоке вообще:

«Часть прибавочного труда общины принадлежит высшему коллективу, существующему, в конечном счете, в виде одного лица, а этот прибавочный труд проявляется и в виде дани, и т. п., и в коллективных видах труда, служащих для возвеличения единства — отчасти действительного деспота, отчасти воображаемого существа, — бога»²⁰.

К. Маркс не был знаком с рассматриваемыми шумерийскими материалами (которые были обнаружены лишь в 1877 г.). Тем более ценно, что изучение этих материалов, начатое М. В. Никольским, подтвердило концепцию К. Маркса.

Очень интересны также замечания Михаила Васильевича о системе распределения земли для посева зерна и посадки овощей. Отмечается парцелляция земли и передача ее во времен-

¹⁹ Там же, стр. 22—23.

²⁰ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, Огиз, 1940, стр. 7.

ное пользование земледельцев. Тщательно подсчитан размер каждого участка и соответственно число лиц, обрабатывающих его, и количество засеваемого зерна. Причем между этими тремя элементами М. В. Никольский отмечает наличие определенного цифрового отношения, очень редко нарушаемого²¹.

Хотя Михаил Васильевич не поднимает вопроса о сельской общине, но на основании его материала эта проблема была успешно решена в исследованиях советских востоковедов²².

М. В. Никольский пытается на основе изучаемых им текстов установить уровень развития экономики Шумера во времена Урукагины и настойчиво подчеркивает незначительное развитие в то время денежного хозяйства. «Торговым оборотам, — пишет он, — посвящено сравнительно мало документов, и денежное хозяйство, очевидно, еще было только в зародыше, так как все расчеты ведутся на почве натурального хозяйства, и деньги (серебро) фигурирует только в редких случаях»²³.

С большими трудностями М. В. Никольский столкнулся при разборе обозначений сельскохозяйственных культур в древнем Шумере. Степень изученности шумерийского языка была еще недостаточной, и исследователю приходилось прибегать к конъюнктурам. Поскольку в текстах чаще всего употреблялись

два обозначения для зернового хлеба *še* и *aš*, а

Геродот объявил основными злаками Месопотамии пшеницу и ячмень, то Михаил Васильевич сделал смелое предположение, что *še* по-шумерийски значит пшеница, а *aš* — ячмень²⁴.

Эта гипотеза, однако, не оправдала себя. Ей с самого начала противоречили указания документов (например, № 90 и 124), где речь шла об употреблении *še* в качестве корма для скота. М. В. Никольский никак не объяснял это явление.

Несколько лет спустя вопрос был решен весьма просто. Чехословацкий востоковед Б. Грозный в специальном исследовании, посвященном знакам древней Месопотамии, доказал, что *še* означало не ячмень, а более ценный знак — двухзернянку (эммер), напоминающий полбу и отличающийся, подобно ей, от настоящей пшеницы (*Triticum vulgare*) тем, что колос-

²¹ ДВ, т. III, вып. 2, стр. 24—25.

²² В. В. Струве, *История Древнего Востока*, 1941, стр. 69 и сл.; В. И. Авдиев, *История Древнего Востока*, 1953, стр. 45 и сл.; Н. М. Никольский, *Частное землевладение и землепользование в Древнем Двуречье*, Минск, 1946, стр. 14 и сл.

²³ ДВ, т. III, вып. 2, стр. 2.

²⁴ Там же, стр. 11.

ковая чешуйка плотно прилегает к зерну и не отделяется от него при молотье.

Надо отметить, что во второй части своей работы, опубликованной в 1915 г., М. В. Никольский уже ссылается на только что появившееся исследование Б. Грозного и исправляет свои переводы, признавая, что этот спорный термин обозначает ячмень. Отсюда очевидно, что он внимательно следил за всеми новинками ассириологии и не боялся признавать свои ошибки, неизбежные в тех условиях.

Несмотря на некоторые ошибки и неточности, М. В. Никольскому все же удалось дать правильное толкование изданных им текстов, характеризующих состояние земледелия в Южном Двуречье в раннешумерийский период.

Весьма интересные наблюдения Михаила Васильевич сделал и относительно роли и развития скотоводства в то же время. Автор отмечает преобладание мелкого рогатого скота (овец, баранов, газелей, коз) и редкое упоминание крупного рогатого скота²⁵.

Он подметил большую экономию, которую проявляли лагашские жрецы во время жертвоприношения: быки и коровы совершенно отсутствуют в списках жертв. Заклание мелкого рогатого скота для потребностей культа также производится в весьма скромных размерах. Явно преобладают растительные жертвы (хлеб, мука, финики, масло). Все это отличает шумерийский, или, как его называет автор, «халдейский», культ от древнееврейского, зафиксированного в «жреческом кодексе», хотя в остальном наблюдаются черты сходства между обоими ритуалами.

Для подтверждения своих наблюдений М. В. Никольский приводит тщательно составленную статистическую таблицу под заглавием «Материал и количество жертв», дающую наглядное представление о потребностях храмового хозяйства.

Что касается продукции скотоводства в Лагаше, то Михаил Васильевич собрал интересные данные об обработке кожи и шерсти различных пород скота, о развитии молочного хозяйства (об изготовлении творога, сливок и масла, в частности из ослиного молока) и т. д.

Внимательный исследователь обратил внимание не только на те виды домашнего скота, которые упомянуты в текстах, но и на виды, отсутствующие в перечислениях. «Обращает на себя внимание, — замечает он, — отсутствие лошади, верблюда и домашней птицы»²⁶.

²⁵ ДВ, т. III, вып. 2, стр. 34.

²⁶ Там же, стр. 20—21, 34—43.

Следует отметить, что отсутствие в документах времени Урукагины упоминаний о лошади и верблюде оказывается далеко не случайным. Теперь уже точно установлено, что лошади появились в Южном Двуречье лишь в касситский период (не раньше середины XVIII в. до н. э.; в кодексе Хаммурапи они еще не упомянуты). Иногда возникает вопрос о более ранних следах коневодства в Северном Двуречье. Но к Лагашу, находящемуся на южной окраине страны, это не относится²⁷. Верблюды появились в Двуречье еще позже, уже в конце II тысячелетия, причем начало использования их тесно связано с переселением арамеев из глубин Аравийского полуострова.

То, что обитатели Месопотамии сравнительно поздно начали иметь дело с лошадьми и верблюдами, отразилось на характере обозначений этих животных в клинописи. Для быка, осла, козы и других животных имеются специальные идеограммы. Следовательно, они были известны в период формирования шумерийской письменности, тогда как для обозначения лошади и верблюда применяются явно более поздние составные идеограммы: для лошади — комбинация идеограммы осла

и горы

, для верблюда — комбинация той же

идеограммы осла и моря   ²⁸.

Все эти данные подтверждают подмеченное М. В. Никольским отсутствие лошади и верблюда в документах хозяйственной отчетности времен Урукагины.

Сложнее обстоит вопрос с домашней птицей. Разведение домашних гусей, уток и голубей документально засвидетельствовано для времени III династии Ура (XXII—XXI вв. до н. э.), т. е. в период, весьма близкий к рассматриваемому.

Может быть, отсутствие соответствующих данных в опубликованной М. В. Никольским серии является случайным. Во всяком случае автор констатировал факт, заслуживающий внимания и дальнейшего изучения.

В специальный раздел (VI) автор выделил документы, характеризующие развитие рыбного промысла (всего 15 табле-

²⁷ Лошади, по всей вероятности, были известны в Северной Месопотамии раньше, чем в Южной. О мулах в южной части страны см. «Очерки по истории техники Древнего Востока» под ред. акад. В. В. Струве, М.—Л., 1940, стр. 38—39.

²⁸ Л. А. Липин, *Аккадский (вавилонско-ассирийский) язык*, вып. 1, Л., 1957 (Полная табл. знаков №139).

ток). Отмечался большой улов пресноводной и морской рыбы (десятки тысяч). К сожалению, виды рыб Михаилу Васильевичу определить не удалось, но надо сказать, что и последующие исследователи, например Б. Мейсснер, не смогли восполнить этот пробел²⁹.

М. В. Никольский удачно определил некоторые черты, характеризующие рыболовство в Южном Двуречье (например, использование рыбьего жира и употребление рыб в качестве корма для быков и овец). Последнее явление напоминает быт ихтиофагов Южного Ирана, живо изображенный Аррианом³⁰.

Таким образом, сведения, собранные М. В. Никольским, могут быть использованы при комментировании этого античного автора.

Изданные им таблетки дают интереснейший материал по истории торговли и ремесла древнего Шумера (особенно разделы VII и VIII, отчасти IX).

Изучение этого вопроса облегчает составленный Михаилом Васильевичем указатель с детализацией терминов, что свидетельствует об известной специализации: например, специальное обозначение имеется для кузнеца — Си-Муг, серебряных дел мастера — Ку-Гим, позолотчика — Су-си. Обращает на себя внимание наличие специальных названий для прядильщиц шерсти — Ки-Сиг. Следовательно, даже в изготовлении одежды наблюдалось известное разделение труда.

О торговле свидетельствует термин «дамкар», который М. В. Никольский переводит как «продавец», «посредник», «торговый агент» (подобное понимание термина применяется в науке и в настоящее время). Очень характерное обозначение должности весовщика — Гин-Уш³¹.

Как уже говорилось, Михаил Васильевич при решении вопроса о развитии торговли в Шумере избежал преувеличений, свойственных буржуазным модернизаторам (Эд. Мейеру, М. Веберу)³².

Для изучения истории внешней торговли Шумера большое значение имеют разобранные М. В. Никольским документы (№ 85, 214), свидетельствующие о снабжении месопотамским зерном Элама и о вывозе из этой страны в Лагаш ценных пород скота.

²⁹ В. Meissner, *Babylonien und Assyrien*, I, Heidelberg, 1920, S. 336.

³⁰ Арриан, *Индия*, XXVI, 7, — ВДИ, 1940, № 2.

³¹ ДВ, т. III, вып. 2, стр. 85—94.

³² Ed. Meyer, *Geschichte des Altertums I*, 1909, S. 481; М. Вебер, *Аз-рарная история древнего мира* (пер. с нем. Е. С. Петрушевской, под ред. Д. М. Петрушевского), М., стр. 59 и сл.

Слабым местом исследования Михаила Васильевича является разработка вопроса о непосредственных производителях древней Месопотамии. Здесь у автора чувствуется неуверенность и колебания. Говоря о женщинах и детях, упоминаемых в документах № 1 и № 5, он весьма неопределенно заявляет: «...важно то обстоятельство, что все эти служанки и дети названы принадлежащими богине Бау, из чего следует заключить, что они находились в отношении зависимости к божеству или к храму богини. Вопрос о том, были ли они рабами или крепостными храма, решить на основании памятников очень трудно; вернее всего это был крепостной труд, хотя и имеются документы о продаже лиц некоторых разрядов рабочих (№ 17, 293)»³³.

Понятно, что М. В. Никольский предпочитает неопределенные обозначения, которые можно толковать в ту или иную сторону. Так, например, слово «арад», которое и на шумерийском и на ассиро-вавилонском языках применяется для обозначения раба, он передает как «слуга» или «гу-ба-не» переводит «женские служанки». Для других терминов он предлагает альтернативный перевод (например, ру-а-сил: «низшие служители рабы или крепостные, упоминаются большей частью по счету и покупаются»; ши-ну-габ: «низшие слуги вроде рабов, упоминаются большей частью по счету и покупаются»).

Обозначение «геме» М. В. Никольский то переводит как «рабыня», отмечая притом особый разряд этих рабынь «гемехар», специально приставленных к жерновам, то употребляет термин «служанка», а для обозначения работавших с ними детей прибегает к описательному выражению: «малолетние мужского пола» или «малолетние женского пола»³⁴.

Обращает внимание еще то обстоятельство, что, признавая наличие в Лагаше рабов или крепостных, Михаил Васильевич совершенно забывает о крестьянах-общинниках.

Выяснение вопроса о непосредственных производителях древнего Шумера оказалось под силу только советской науке, хотя и в настоящее время не все моменты выяснены до конца. Не приходится удивляться, что М. В. Никольский, не имевший надежной методологической базы, не смог решить этой проблемы.

Заслуживают внимания его соображения о семейных отношениях во времена Урукагины. Отметив факты активной хозяйственной деятельности жён патеси и цариц, Михаил Васильевич приходит к выводу, что «...по отношению к владению собствен-

³³ ДВ, т. III, вып. 2, стр. 13.

³⁴ Там же, указатель, стр. 85, 87, 93.

ностью и распоряжению домашним хозяйством женщины этой архаической эпохи были не только равноправны с мужчинами, но по отношению к царскому хозяйству, по-видимому, играли даже преимущественную роль»³⁵.

В этих словах чувствуется известное преувеличение, но самый факт большой широты прав женщины в более архаические времена подмечен верно. Подтверждением мнения М. В. Никольского является наличие полиандрии во времена до Урукагины, о чем свидетельствует этот царь в своей официальной надписи³⁶.

В 1915 г. Михаил Васильевич издал второй том своего труда «Документы хозяйственной отчетности древней Халдеи», в который вошли 530 таблечек лихачевской коллекции, относящихся ко времени Аккадской династии и III династии Ура³⁷. Местом происхождения этих документов была главным образом Джоха, где находился в древности известный шумерийский город Умма (по другому произношению, принятому также М. В. Никольским, но не утвердившемуся в дальнейшем, — Гишху). Лишь некоторая часть документов серии происходила из Дрехема, в районе расположения древнего города Ниппура, «священного» города центрального места культа верховного шумерийского бога Энлиля.

При датировке издаваемых документов М. В. Никольский использовал хронологическую систему Куглера («длинную хронологию»), по которой «Саргон Аккадский относился к 2800 г. до н. э.»³⁸. Следовательно, упомянутые выше выкладки Набонида были им пересмотрены в сторону сокращения. III династия Ура (М. В. Никольский называет ее просто «династией Ура», без нумерации) датировалась 2500 г. до н. э. Как известно, сейчас эти даты изменены и приблизились к нам на четыре сотни лет³⁹.

³⁵ Там же, стр. 2.

³⁶ «Прежде жены жили с двумя мужьями, теперь за это бросают женщин [в воду?】» (Надпись Урукагины, Луврский конус, пер. Б. А. Тураева, — «Древний мир», ч. I, «Восток», М., 1915, № 26).

³⁷ М. В. Никольский, *Документы хозяйственной отчетности древней Халдеи, эпоха династии Аладэ и эпоха династии Ура*, — ДВ, т. V, ч. II, 1915.

³⁸ М. В. Никольский отождествляет Саргона I с Сарганишари (Шаргалишари). В настоящее время выяснено, что последний был правнуком Саргона I и сыном Нарамсина.

³⁹ Аккадская династия датируется в настоящее время 2369—2189, а III династия Ура — 2118—2007 гг. до н. э. Акад. В. В. Струве относит III Урскую династию к 2132—2024 гг. до н. э. Во всяком случае отнесение данной династии к концу XXII и XXI вв. до н. э. является общепризнанным.

Издание М. В. Никольского является образцовым. В отличие от первого тома, где не везде удалось дать точный перевод документов и порой приходилось заменять его пересказом содержания, во втором томе все надписи на таблечках даны не только в автографической передаче, но также с транскрипцией и переводом.

Этот перевод, хотя и сделан 45 лет назад, в основном остается правильным. По мнению академика В. В. Струве, им можно пользоваться и в настоящее время. Не все исследователи оказывались настолько смелыми, чтобы решиться на перевод подобного рода документов.

В. В. Струве, сравнивая издание люксембургского ассириолога Н. Шнейдера, работавшего над документами такого типа и той же эпохи, отмечает, что Н. Шнейдер ограничился только автографией и транскрипцией текстов и отказался их переводить, хотя работал над ними 15 лет спустя после выпуска издания М. В. Никольского⁴⁰.

По сравнению с первым томом своего издания во второй том М. В. Никольский внес важные уточнения. Например, бросается в глаза, что слово *še* он уже переводит «ячмень», используя новые данные в изучении шумерийского языка. В техническом отношении воспроизведение текстов является первоклассным. Тщательный анализ начертания клинописных знаков, а также изучение географических наименований позволили ему отнести первую часть серии (№ 1—89) ко времени Аккадской династии, хотя даты давались там без имен царей⁴¹.

Содержанием этой группы документов является учет различных сельскохозяйственных работ, производившихся в крупном поместье.

«В документах нет прямых указаний на то, кому принадлежит это хозяйство, но несомненно, что дело идет об одном цельном хозяйстве, и есть несколько данных, из которых можно заключить, что распоряжение им принадлежало царю или пате-си»⁴².

Вопрос о социальном положении лиц, работавших в данном крупном хозяйстве, М. В. Никольский решает в духе господствовавших в то время представлений о феодализме на Древнем Востоке. Работников, обозначаемых шумерийским словом

⁴⁰ В. В. Струве, *Общественный строй Южного Междуречья в эпоху III династии Ура (2132—2024 гг. до н. э.)*. Юбилейный сборник, посвященный тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции, М.—Л., 1947, стр. 722.

⁴¹ ДВ, т. V, 1915, стр. 3—4.

⁴² Там же, стр. 4.

«эрин», означающим взрослого, сильного человека, участвовавшего в обязательной работе, Михаил Васильевич считает «барщинными людьми», причем систему барщинных работ он почему-то связывает со свойствами семитской расы, преобладающей в период Аккадской династии.

Говоря о «содержании значительных групп барщинных людей, призываемых к отбыванию тех или иных повинностей, по всем признакам государственного характера», М. В. Никольский утверждает, что «такой характер хозяйства наиболее соответствует эпохе господства семитской расы в форме большого государства, объединявшего Шумер и Аккад и простиравшего свои завоевания далеко за их пределы»⁴³.

Таким образом, Михаил Васильевич оказался не в состоянии преодолеть традиций буржуазной науки, упорно отрицавшей или сводившей к минимуму рабовладение на Древнем Востоке. Как это ни странно, М. В. Никольский в отношении трактовки социально-экономических отношений сделал даже шаг назад по сравнению с первым томом рассматриваемого издания. Там он, говоря о крепостных, нередко оговаривался, что, возможно, это были рабы. В анализе документов Аккадского периода он уже ни слова не говорит о рабах и даже слово «гим» переводит «служанка» (например, в документе № 9).

В основной части издаваемой серии, а именно в документах III династии Ура, упоминаются самые различные работы.

Собственно о земледелии и скотоводстве упоминается сравнительно редко. В некоторых текстах говорится об обработке полей, покосе, специфически женской работе (вязке снопов и т. д.).

Гораздо чаще речь идет о погрузке судов, прокладке дорог и особенно о работах, связанных с ирригацией (регулирование разливов рек и каналов): укреплении берегов, наполнении водоемов и т. д. Специфическими в местных условиях Южного Двуречья являлись работы по добыче и обработке тростника, который также использовался в качестве топлива (из-за отсутствия лесов), шел на корм скоту и для всевозможных изделий.

Работники и работницы, занятые во всех этих разнообразных отраслях производства, обозначаются как «взрослые, сильные люди» знаком, символизирующим силу, который фонетически произносился «гуруш» (М. В. Никольский придерживался неточного произношения «каль», которое было прежде общепризнанным. — Д. Р.).

Кто же были эти «взрослые, сильные люди», работавшие в

⁴³ Там же, стр. 5.

крупных поместьях и мастерских? На основании упоминаний о вознаграждении за труд (№ 206—213 и др.) Михаил Васильевич приходит к выводу, что под ними «следует разуместь, по всей вероятности, наемных рабочих, отряжаемых группами от 10 до 1258 человек на производство работ по различным местам»⁴⁴.

В другом месте он поясняет, что «это были не рабы и не барщинные люди, а скорее наемные рабочие»⁴⁵.

Затруднение доставляет М. В. Никольскому термин «гимнам-рааг», который переводится им как «пленная рабыня». В документе № 329 речь идет о 39 таких рабынях и 8 мальчиках, работающих вместе с ними и получающих продовольственный паек мукой и пивом.

У Михаила Васильевича получается противоречие. Работницы признаются рабынями, а находящиеся в одинаковом положении с ними дети не причисляются к рабам. Создается впечатление, что в Шумере во времена III династии Ура применялся труд рабынь, но не рабов. В настоящее время этот вопрос в советской науке достаточно выяснен благодаря исследованиям В. В. Струве, который, сопоставив материалы М. В. Никольского с параллельными сериями, изданными за рубежом Г. Женульяком, Н. Шнейдером и другими, пришел к выводу, что между положением «гим» и положением «гуруш» никакой принципиальной разницы не было. И те и другие работали круглый год. И те и другие получали весьма скромное довольствие натурой (зерном, пивом, сушеной рыбой).

В сущности положение «гим» было даже несколько легче. Они освобождались от работы на пять дней в месяц. Делалось это, конечно, не из гуманности, а в силу существовавшего в то время предрассудка (женщина в течение нескольких дней считалась нечистой). Таким образом, на современном этапе науки вопрос решается иначе, чем в 1915 г.⁴⁶

Даже противники точки зрения академика В. В. Струве (академики Н. М. Никольский и А. И. Тюменев) перестали придерживаться изложенной выше теории⁴⁷.

Ошибки М. В. Никольского в вопросе об определении социально-экономических отношений на Древнем Востоке являют-

⁴⁴ Там же, стр. 9.

⁴⁵ Там же, стр. 10.

⁴⁶ В. В. Струве, *Общественный строй южного Месджуречья в эпоху III династии Ура (2132—2024 гг. до н. э.)*, стр. 735.

⁴⁷ А. И. Тюменев, *О значении термина «каль» в древнешумерском языке*, — ВДИ, 1946, № 2, стр. 10; *Государственное хозяйство древнего Шумера*, М.—Л., 1956, стр. 268.

ся вполне понятными, ибо в начале XX в. в буржуазной ориенталистике господствовала циклическая теория Эд. Мейера и велись упорные поиски феодальных и капиталистических отношений в древности.

Михаил Васильевич не поставил еще всех точек над «и». Однако вся его интерпретация текстов невольно заставляла думать, что во времена Урукагины и позднее — при Саргоне Аккадском — в Южном Двуречье господствовали феодальные отношения, а при III династии Ура они сменились капиталистическими.

Ученик М. В. Никольского, его сын Н. М. Никольский, в своих ранних работах уже прямо говорит о существовании крепостного права при Урукагине и о постепенной отмене его в последующие века⁴⁸.

Эти ошибки методологического характера отнюдь не снижают ценности работы, проделанной М. В. Никольским. В ряде случаев его выводы по тем или иным вопросам сохраняют свое значение и поныне.

Например, он удачно подметил факт усиления деспотической власти царя при III династии Ура. Анализируя документ № 374, М. В. Никольский обратил внимание на то, что в нем «вместо божества, которому обычно приносятся жертвы... фигурируют обожествленные цари Ура, начиная с Дунги (по-теперешнему произношению Шульги. — Д. Р.) и кончая Гимиль-Синном... По характерному выражению документа, жертвы, приносимые на указанные дни, суть „доля божественных гениев царей“»⁴⁹.

Таким образом, М. В. Никольский собрал новый материал по вопросу обоготворения царской власти, тесно связанному с проблемой изучения восточной деспотии. С другой стороны, он выявил факт усиления храмов и жречества в период III династии Ура, собрав статистические данные об огромных масштабах кровавых жертв Энлилю, на которые уходили сотни голов крупного и мелкого скота. Эти цифры интересно сопоставить с упомянутой выше таблицей скромных жертвоприношений в Лагаше, относящейся к более раннему периоду.

Я перечислил далеко не все вопросы, которые возникают благодаря изучению изданных М. В. Никольским материалов.

В настоящее время, когда накопилось огромное количество новых источников, без документов хозяйственной отчетности,

⁴⁸ Н. М. Никольский, *Древний Вавилон*, М., 1913, стр. 242.

⁴⁹ ДВ, т. V, стр. 16.

обработанных Михаилом Васильевичем, не обойдется ни один исследователь древнего Шумера. Даже когда он оказывался неправ в своей интерпретации, поставленные им вопросы побуждали последующих исследователей к новым изысканиям.

**Работы М. В. Никольского
по различным вопросам экономической истории
Месопотамии**

В 1880 г. из Багдада через русское консульство в Москву была прислана частная коллекция месопотамских древностей, принадлежащая Блау.

Коллекция была передана для экспертизы в Московское археологическое общество и вызвала бурные споры. Поскольку все предметы, входившие в ее состав, являлись беспаспортными, то, естественно, возник вопрос о подделке.

М. В. Никольский отнюдь не был доверчивым исследователем. По отношению к другим сомнительным вещам (ассирийской коллекции Роинава) он проявил себя беспощадным и суровым экспертом и вскрыл ее неподлинность.

Отношение его к коллекции Блау было иным. Михаил Васильевич распознал в этих «сомнительных древностях» подлинные и притом весьма ценные исторические памятники.

К сожалению, ему не удалось добиться приобретения коллекции, и она была продана в Америку⁵⁰.

Однако М. В. Никольский воспользовался временным пребыванием памятников в России и успел издать наиболее важные из них.

Особенно следует отметить замечательный документ, содержащий ценные данные по экономике Нововавилонского царства. Это контракт о продаже дома, точно датированный 666 г. до н. э. (временем Шамаш-шум-укина, брата и соперника Ашшурбанипала, царя Ассирии). Замечательным является уже внешний вид памятника. Текст его начертан не на глиняной таблетке, как обычно, а на твердом камне. Продавец по имени Набу-ахукин собирался вместо печати приложить к документу свой ноготь (как это было принято в Вавилоне); это оказалось невозможным, и, как выяснил Михаил Васильевич, след ногтя пришлось искусственно высечь резцом.

При тщательном обследовании этого своеобразного памят-

⁵⁰ Б. А. Тураев, *Ученые заслуги Михаила Васильевича Никольского*, стр. 2—3.

ника М. В. Никольский не нашел признаков подделки и решил его издать⁵¹. Это издание является исключительным по своей обстоятельности. Не довольствуясь прекрасно выполненной фотографией, он дал также воспроизведение текста, набранного стандартным клинописным шрифтом. Кроме латинской транскрипции и подстрочного перевода, был дан также вольный перевод. Наконец, издание было снабжено введением и развернутым комментарием, в котором был поставлен ряд серьезных исторических проблем. Михаил Васильевич исходит из предположения, что юридический акт, которому посвящен разбираемый документ, представлялся обоим участникам особенно важным. За это говорит и особый материал (камень вместо обычной глины) и участие в качестве свидетелей 23 человек, в том числе и верховного судьи храма Шамаша.

Учитывая все эти моменты, М. В. Никольский приходит к выводу, что «покупатель дома придавал особую важность этой покупке» и «рассчитывал на более твердую гарантию неотъемлемости нового владения». Отсюда следует, «...что отчуждение недвижимой собственности, бывшей, очевидно, принадлежностью рода, не входило в обычаи вавилонян, хотя и дозволялось законом»⁵². Для сравнения он приводит аналогичный случай продажи сада во время голода.

Мысль М. В. Никольского относительно редкости отчуждения недвижимости в Вавилонии в связи с притязанием родственников, сохранявших известные права на земельные владения сородича, является очень остроумной и глубокой. Документы самых различных стран аналогичны этому юридическому статусу. Особенно ярко он сформулирован в Артхашастре. Индийское право допускало продажу земли постороннему человеку только в том случае, если все родственники, а затем все соседи откажутся купить эту землю.

В связи с этим не мешало бы отметить обстоятельство, которое М. В. Никольский также заметил, но не сделал соответствующего вывода. Я имею в виду тот факт, что в разбираемом контракте и покупатель и продавец являются соседями. Упоминается их общая дорога, т. е. нейтральная полоса, отделяющая их владения. Оба они, по-видимому, были членами одной и той же сельской общины. Если бы этого не было, то сделка, надо полагать, была бы еще более затруднена⁵³.

⁵¹ М. В. Никольский, *Вавилонский контракт о продаже дома времени Шамаш-шум-укина царя Вавилонского (666 г. до р. х.)*, — ДВ, т. I, вып. 2, М., 1891, стр. 143—165.

⁵² Там же, стр. 164—165.

⁵³ Там же, стр. 158.

В связи с важностью и необычайностью совершаемого акта Михаил Васильевич стремится точнее определить размеры и качество продаваемого дома.

На первый взгляд может показаться, что это был небольшой домик, ради продажи которого не стоило созывать стольких людей и заказывать мастеру изготовление документа на твердом, неудобном для обработки камне. Дело в том, что в документе длина дома определяется в $47\frac{1}{2}$, а ширина—в $42\frac{1}{2}$ локтя. Исходя из размера локтя, изображенного на коленях статуи Гудеа, М. В. Никольский определяет этот локоть в 27 см.

Таким образом, размеры дома получаются равными 221 кв. м, что представляется Михаилу Васильевичу слишком незначительной площадью. Это тем более странно, что в общую площадь входит не только сам дом, но и приусадебный участок с семью финиковыми пальмами.

Надо сказать, что такое определение длины локтя не совсем точно. Для Нововавилонского царства характерен не малый локоть, а большой (49,5 см)⁵⁴. Но, даже исходя из этого масштаба, участок с домом окажется слишком мизерным.

М. Н. Никольский высказывает мысль, что в данном случае площадь измерялась не обыкновенным, а полевым локтем. Последний, по исчислениям известного ассириолога Опперта, был в десять раз больше простого локтя, и, таким образом, весь участок оказывается равным 1500 кв. сажням.

Если предположить, что удесят�ерялся не малый, а двойной локоть (чего Михаил Васильевич не учитывал), то эту цифру можно увеличить еще вдвое.

В подтверждение взгляда М. В. Никольского о вероятности употребления в разбираемом случае полевого локтя можно привести аналогии из древнеегипетской метрологии. По авторитетному мнению А. Гардинера, в древнем Египте при измерении полей употреблялась мера площади, равнявшаяся 100 кв. локтям (около 25 кв. м) и носившая название *mḥ*—локоть⁵⁵. В данном случае аналогия с древним Вавилоном поразительна.

Не менее остроумны соображения русского ученого и относительно качества продаваемого дома. В тексте он носит эпитет *êriṣu*, т. е. употребляется причастие от глагола *eṛēṣu* «делать», «строить». Опперт и Пинчес переводят это причастие как «неоконченный, развалившийся». М. В. Никольский отри-

⁵⁴ А. П. Рифтин, *Старовавилонские юридические и административные документы в собраниях СССР*, М.—Л., 1937, стр. 157.

⁵⁵ О египетском полевым локте см. Gardiner, *Eg. Gr.*, 1927, p. 200, § 266.

цает это толкование и с грамматической стороны и с точки зрения общего смысла.

Дело в том, что в документе упоминается и порог, и прочные двери, и засовы, что совсем не предполагает плохого состояния дома. Поэтому Михаил Васильевич имеет полное основание дать перевод: «дом построенный»⁵⁶.

Исправив явную опisku, М. В. Никольский определил в 3½ мины серебра цену дома⁵⁷.

Немало затруднений вызвало и определение местности, где находился отчуждаемый дом. По указанию документа он был расположен на берегу канала бога Канишурры в городе Уруке. Но данный бог почитался не в Уруке, а в более северном городе Куте. М. В. Никольский, объясняя этот разнобой, высказал предположение, что канал, названный в честь бога Канишурры, начинался в его городе Куте, но доходил на юге до Урука и соответствовал современному пустому руслу Шат-енна⁵⁸.

В заключение можно сказать, что разбор и издание небольшого юридического текста, вырезанного на камне, было сделано Михаилом Васильевичем образцово и показало, как при удачной интерпретации можно широко использовать изолированный документ.

К той же коллекции Блау относится небольшая гиря 2¼ вершка из черного камня с вырезанной вертикальной надписью в две строки. Изучению этого памятника М. В. Никольский посвятил специальное исследование⁵⁹. Прежде всего он фиксировал его во времени. Коротенькая надпись оказалась несложной по содержанию: «1/2 мины утвержденной мужем божества „Глаз-мины”».

Сама по себе надпись не давала явных указаний на время ее составления. Потребовался палеографический и стилистический анализ, с которым Михаил Васильевич справился блестяще. Он обратил внимание на то, что внешний вид надписи напоминает официальные тексты Гудеа, правителя города Лагаша. Особенно разительное сходство замечалось в коротенькой надписи, вырезанной на правом плече диоритовой статуи Гудеа и заключенной, так же как и определяемый М. В. Никольским текст, в четырехугольную рамку. Архаический тип знаков, уже отличающихся от линейных, но еще не превратившихся оконча-

⁵⁶ ДВ, т. I, вып. 2, стр. 154—155.

⁵⁷ Там же, стр. 153, 161.

⁵⁸ Там же, стр. 155.

⁵⁹ М. В. Никольский, *Халдейский вес эпохи Гудеа*, — ДВ, т. I, вып. 1, М., 1882, стр. 83—88.

тельно в клинообразные, также говорит за время Гудеа. Надпись дана идеограммами и может читаться равным образом и на шумерийском и на семитических языках, но, по предположению Михаила Васильевича, задумана была на первом из этих языков.

Сопоставляя гирию из коллекции Блау с известными до тех пор образцами месопотамских гирий, М. В. Никольский признал ее наиболее древней, ибо бронзовая гирия в виде льва времен Синахераба относилась явно к рубежу VIII—VII вв., а каменная гирия в виде утки — к XII в. до н. э.

Время Гудеа значительно предшествовало последней дате. Определить его точно ученый не мог (сейчас этот правитель датируется XXII в. до н. э.), но он с полным правом заявлял, что каменный вес Гудеа принадлежит к той эпохе, «когда или совсем не было Вавилона, или он был только незначительным городом»⁶⁰.

Анализируя гирию и надпись на ней, М. В. Никольский делает несколько существенных выводов.

Он отметил, что во времена Гудеа гири клеймились не царем, а особым храмовым чиновником, действовавшим от имени особого божества весов, «владеющего глазом над миной». Позднее положение изменилось, и как у вавилонян, так и у ассирийян утверждение стандартных гирий стало прерогативой царской власти.

М. В. Никольский считает показательным, что нормативной в древней Месопотамии являлась именно мина, а не более мелкий вес (сикль) и не более крупный (талант).

Но самое интересное наблюдение ученого заключается в том, что данный экземпляр гири имеет необычный вес в 246 г, тогда как по норме легкая мина должна иметь 505 г, а половина мины соответственно 252¹/₂ г.

Михаил Васильевич предлагает два объяснения этому странному явлению. Во-первых, гирия в течение нескольких тысячелетий могла утратить 6¹/₂ г, тем более, что на ней можно заметить небольшие ямочки и ссадины. Во-вторых, весовая норма в Месопотамии во времена Гудеа могла быть иной, чем в более поздний период, когда весовая система была изменена в сторону увеличения весовых единиц⁶¹.

Мне кажется, что М. В. Никольский не учел еще третьей возможности — сознательного уменьшения веса гири, которое могло производиться недобросовестными чиновниками. На по-

⁶⁰ Там же, стр. 86.

⁶¹ Там же, стр. 87.

добные явления имеются явные указания в документах различных восточных стран. В древневавилонской исповеди-заклинании автор, обращаясь к богу Шамашу, запрашивает, не совершил ли его страждущий клиент какого-либо греха, и, давая перечисление возможных грехов, между прочим, восклицает: «не свешивал ли он, не обсчитывал ли фальшивыми деньгами»⁶².

В главе 125 «Книги Мертвых» дух покойника утверждает: «Я не уменьшал меры зерна, не убавлял меры длины, не нарушал меры полей, не увеличивал весовых гирь, не подделывал стрелки весов»⁶³.

Наконец, в книге Амоса описаны своеобразные махинации хлеботорговцев в Израильском царстве, которые говорят: «Когда пройдет новолуние, мы станем продавать хлеб и после субботы откроем житницы, уменьшим меру, увеличим цену сикля и будем кривить неверным весами»⁶⁴.

Таким образом, сознательное изменение меры веса (в ту или иную сторону, в зависимости от ситуации) было на Древнем Востоке обычным явлением. Оно могло иметь место и в данном случае.

Так или иначе наблюдение М. В. Никольского представляет большой интерес для истории хозяйства древней Месопотамии.

Кроме того, Михаил Васильевич делает еще одно предположение, касающееся древнеазиатской метрологии. Он считает, что легкая мина была более древней, чем двойная (1010 г). Это мнение диаметрально противоположно теории Леман-Хаупта, связывающего цифровой коэффициент двойной мины с двойным локтем, а последний сопоставлялся с длиной маятника. Вопрос весьма сложный, но аргументы М. В. Никольского — очень убедительны.

Проблемы истории культуры древней Месопотамии в трудах М. В. Никольского

В отличие от большинства буржуазных историков Древнего Востока М. В. Никольский очень интересовался экономикой. Он подготовил материал, который широко используется и сейчас советскими востоковедами, изучающими хозяйство и общество древних стран Передней Азии.

Не нужно, однако, думать, что М. В. Никольский интересовался только хозяйственным развитием древневосточных

⁶² «Исповедь-заклинание», — «Древний мир», 1915, № 25, стр. 33—34, пер. Б. А. Тураева.

⁶³ «125-я глава „Книги Мертвых“», — там же, № 6, стр. 9.

⁶⁴ Амос, VIII, 5.

стран. Его круг интересов был гораздо шире. Он занимался и проблемой возникновения и развития письменности, и историей религии, и художественным творчеством народов Древнего Востока. В постановке и решении вопроса о происхождении клинописи Михаилу Васильевичу принадлежат огромные заслуги. Еще в 1888 г. он выступал на заседании Восточной комиссии с докладом, посвященным двум загадочным текстам на глиняных пластинках зеленого цвета из упомянутой коллекции Блау.

Эти надписи вызвали разноречивую оценку. Американский ассириолог Вард считал их подлинными и современными «Стеле коршунов»⁶⁵. Французский ассириолог Ж. Менан объявил обе таблетки «грубой контрафакцией» и неумелым подражанием.

М. В. Никольский, изучив обе таблетки, хранившиеся в то время в Московском археологическом обществе, высказал мнение, в корне отличающееся от приведенных выше. В 1889 г. исследование Михаила Васильевича было напечатано в I томе «Древностей восточных», и эта небольшая статья создала целую эпоху в шумерологии⁶⁶.

М. В. Никольский прежде всего уточнил, что Менан, работавший по фотографиям и не видевший самых пластинок, не понял некоторых знаков и невольно исказил их. Там, где Менан увидел лишь беспорядочное нагромождение знаков, представляющих якобы искаженное начертание имени бога Нингирсу, Михаил Васильевич установил наличие четырех совершенно ясных знаков «нин», «не», «рыбы» и «воды».

В другом месте М. В. Никольский в не понятой Менаном комбинации установил первоначальную форму сложной идеограммы «человек» и «большой», т. е. прообраз известного шумерского знака Лугаль «большой человек», что значит **царь**.

В изображениях птиц двух разных типов М. В. Никольский путем сравнения с аналогичными, но сильно схематизированными знаками на «Стеле коршунов» и в надписях Гудеа обнаружил прообразы идеограммы «птицы вообще» и «ласточки».

Тщательное сопоставление, изучение деталей, подсчет компонентов каждого знака, наблюдение под направлением знаков — все это привело М. В. Никольского к твердому выводу, что никаких отклонений от нормы в спорных надписях нет. Знаки даны по определенной системе. То, что Менану казалось

⁶⁵ Михаил Васильевич употребляет название «Стела ястребов». Я буду придерживаться общеупотребительного в русской литературе названия «Стела коршунов».

⁶⁶ М. В. Никольский, *О сомнительных древностях из Месопотамии*, — ДВ, т. I, вып. 1, стр. 118—126.

беспомощными поисками, по мнению Михаила Васильевича, являлось вполне закономерным приемом начертания архаических знаков, еще не получивших схематической формы.

Поскольку происхождение таблеток было неизвестно, М. В. Никольский допускал некоторую вероятность подделки, но конкретные аргументы Менана, считавшего фальсификацию несомненной, решительно отвергал.

Михаил Васильевич отмечал, что если в данном случае мы имеем дело с подделкой, то придется признать, что подделыватель обладал огромными познаниями и с большой научной и художественной точностью воспроизвел те комбинации, которые еще не были открыты. По существу этот вывод был убийственным для Менана. Но М. В. Никольский не мог полностью согласиться и с теорией Варда, относящего обе таблетки ко времени Эаннатума.

Михаил Васильевич обратил внимание на то, что спорные знаки более архаичны по сравнению с линейными фигурами «Стелы коршунов» и относятся к более раннему времени. Таким образом Михаил Васильевич установил древнейший этап в развитии шумерской клинописи. Вскоре наличие этого этапа стало аксиомой. Этот этап был уже признан Г. Масперо в «Древней истории народов Востока»⁶⁷. С правильностью мнения М. В. Никольского в дальнейшем согласились Ф. Тюрю-Данжен и Г. Радау⁶⁸. В настоящее время взгляд, постулированный 60 лет назад Михаилом Васильевичем, уже давно не встречает никаких возражений.

Интересуясь в первую очередь памятниками письменности и не будучи искусствоведом в узком смысле этого слова, М. В. Никольский тем не менее всегда обращал внимание на художественный стиль памятников, которые он изучал.

Стоит только вспомнить о тонкой оценке, данной им внешней форме каменной гири при сравнении ее с диоритовыми статуями Гудеа и при выявлении приемов обработки твердого камня, применяемых шумерскими мастерами.

⁶⁷ G. Maspero, *Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique*, Paris, 1895, I, Les origines Egypte, Chaldée, p. 726. — Г. Масперо признает наличие у шумеров в древнейший период пиктограмм, не получивших еще даже линейных очертаний, и приводит образец такой пиктограммы, изо-

бражающей ступню, превратившуюся позднее в клинописный знак .

означающий «идти».

⁶⁸ H. Radau, *Early Babylonian History*, New York, 1900, p. 9—11.

Специально вопросам искусства была посвящена небольшая статья Михаила Васильевича «По вопросу об изображении женского божества на вавилонских цилиндрах и статуэтках»⁶⁹. В этой работе автор описывает пять цилиндров из гематита, входящих в состав упомянутой коллекции Блау. На них изображены в разных вариантах аналогичные культовые сцены: нагая женщина в неподвижной торжественной позе и мужчина с мечом в руках.

Эти изображения являются типичными и незадолго до М. В. Никольского уже были изучены французским ассириологом Ж. Менаном на основании терракотовых, бронзовых и каменных изделий Луврского музея.

Менан определял нагую женскую фигуру как богиню Иштар и привлекал известный миф о сошествии этой богини в преисподнюю, где стража при входе в ворота подземного мира снимала с нее все одежды и украшения.

В мужской фигуре Менан видел «жертвенного палача», готовящегося совершить заклятие жертвы⁷⁰.

Михаил Васильевич, тщательно сличая варианты, внес существенные коррективы в толкование французского исследователя. Он доказал, что и женская и мужская фигуры в изучаемой сцене однотипны. И та и другая изображают статую божеств, тогда как, по Менану, только богиня представляет статую, а все остальные фигуры изображают живых участников культового действия.

Разобрав надписи, сопровождавшие изображения на некоторых цилиндрах, М. В. Никольский установил и имена божеств. Предполагаемый «жертвенный палач» оказался богом бури Ададом (или, как тогда произносили его имя, — Раманом), а предполагаемая Иштар — супругой этого бога Шалой. Эта богиня в сохранившихся документах фигурирует редко, мифов о ней до нас не дошло, но в одной из надписей Синахериба упоминается ее статуя, увезенная за 418 лет до него в Вавилон⁷¹.

⁶⁹ М. В. Никольский, *По вопросу об изображении женского божества на вавилонских цилиндрах и статуэтках*, — ДВ, т. I, вып. 2, стр. 166—175. — Эта работа была переведена на французский язык (M. V. Nikolsky, *La déesse de cilindres et de statues babyloniennes*, — «Revue archéologique», publiée sous la discretion de mm. Alex. Bertrand et G. Perrot membres de l'Institut, Paris, 1892).

⁷⁰ Menant, *Recherches sur la glyptique orientale*, Paris, 1883.

⁷¹ Полный перевод Бавийской надписи Синахериба, в которой идет речь о возвращении в Ассирию статуи Адада и Шалы, дается у Д. Люкенбиля (D. D. Luckenbill, *Ancient Records of Assyria and Babylonia*, vol. II, Chicago, 1927, § 341).

Таким образом, ее статуя изготовлялась в Ассирии и послужила моделью для художников, украшавших резьбой каменные цилиндры.

Исследование М. В. Никольского, касающееся одного из вопросов месопотамского искусства, интересно тем, что он сумел провести сравнительное изучение изображений и надписей, обосновав свои выводы на фактическом материале.

Являясь точным и осторожным исследователем, тщательно подмечающим самые скромные и незаметные детали древних памятников, Михаил Васильевич в то же время не отказывался и от постановки широких проблем. Он не раз поднимал вопрос о роли ассиро-вавилонской культуры в целом, о ее месте в процессе развития человечества. Решение этой проблемы представлялось для него необходимым, причем он подчеркивал, что делать это нужно не в отрыве от жизни, а с учетом задач, стоящих перед современным русским обществом. Михаил Васильевич неоднократно указывал на тесную связь русской культуры и культур Востока.

Однако М. В. Никольский был далек от переоценки древневосточной культуры и, признавая ее влияние на античную, избегал крайних выводов.

Касаясь вопроса об изображении в месопотамском и греческом искусстве, он допускает, что сама тенденция изображать «женское божество совершенно нагим могла быть заимствована у халдеев», но считает вопрос далеко не решенным и отказывается от попытки искать прообразы статуй Праксителя в Вавилонии, соглашаясь в данном случае с Менаном⁷².

Так же осторожно подходит он к вопросу о влиянии древневосточного права на античный мир. Излагая теорию Эжена и Виктора Ревилью, считавших, что в римском праве нет ничего собственно римского, кроме чудовищной жестокости, М. В. Никольский считает подобные взгляды парадоксальными. При всем уважении к авторитету французских ориенталистов он решительно отказывается воспринять их концепцию и считает, что лишь будущие открытия дадут возможность проверить утверждения братьев Ревилью⁷³.

Признавая приоритет восточных культур по сравнению с греко-римской, М. В. Никольский в то же время предостерегал от чрезмерных преувеличений в решении этого вопроса и считал, что «всемирная история восстановила равновесие между

⁷² М. В. Никольский, *По вопросу об изображении женского божества на вавилонских цилиндрах и статуэтках*, стр. 167.

⁷³ М. В. Никольский, *Вавилонский контракт о продаже дома...*, стр. 145.

Востоком и Западом, признав Восток родиной культуры, а Запад создателем для нее совершеннейших и благороднейших форм»⁷⁴.

М. В. Никольский как ассириолог несколько преувеличивал значение вавилонской культуры. Под впечатлением открытия Телль-амарнского архива он дал следующую восторженную характеристику исторической роли Вавилона: «Одним словом, он (вавилонский язык. — Д. Р.) был тем, чем теперь язык французский, и если один из современных мыслителей, именно Э. Ренан, назвал французский язык универсальным и вечным языком цивилизации, то за 15 веков до р. х. вавилонские ученые могли с еще большим правом сказать то же самое о своем языке. Современная культура не может быть названа французскою, между тем как культура Переднего Востока в ту отдаленную эпоху была сплошь ассиро-вавилонской, и вавилонский язык был вполне приспособленным органом распространения этой культуры»⁷⁵.

В этом определении чувствуется чрезмерное преклонение М. В. Никольского перед вавилонской культурой. Но он никогда не доходил до крайностей, которые характерны для представителей панвавилонизма, зарождавшегося в то время, когда Михаил Васильевич писал приведенные строки.

М. В. Никольский в отличие от Винклера и его последователей не искал следов вавилонской цивилизации в Индии и Китае. Он не считал также, что древнеегипетская цивилизация заимствована из Месопотамии, хотя допускал, что у них общий источник. «Были ли эти две культуры, — говорил он, — по своему происхождению независимы одна от другой или, что всего вероятнее, обе произошли из одного общего источника — это такой вопрос, на который еще нельзя дать точного ответа при нынешнем положении знания. В своем развитии эти культуры совершенно различны и подлежат каждая особому исследованию»⁷⁶.

Таким образом, М. В. Никольский в отличие от панвавилонистов ограничивал географическую сферу господства вавилонской культуры Передней Азией, но учитывал при этом ту или иную степень восприятия вавилонских достижений различными переднеазиатскими народами. С другой стороны, он не отрицал индивидуальных особенностей каждого из этих народов.

⁷⁴ «Труды Восточной комиссии Императорского московского археологического общества», — ДВ, т. I, вып. 1, стр. 7.

⁷⁵ М. В. Никольский, *Древняя страна Урарту (Арарат) и следы ассиро-вавилонской культуры на Кавказе*, 1894, т. 2, кн. I, стр. 2—3.

⁷⁶ Там же, стр. 1.

Говоря о том, что урартская культура носит ассиро-вавилонский отпечаток, М. В. Никольский тут же делает оговорку: «...несмотря на эту очевидную зависимость в культурном отношении от ассиро-вавилонян, народ урартский представляет весьма ясные черты *оригинальности* и *самобытности* (подчеркнуто мною. — Д. Р.), например, в одежде, вооружении, в архитектурных постройках. Религия их, подобно языку, была почти совершенно особою, несмотря на некоторые совпадения идеограмм божеств с ассиро-вавилонскими»⁷⁷.

Говоря об урартской письменности, М. В. Никольский обращает внимание на те усовершенствования, которые внесли урарты в ассиро-вавилонскую систему языка, приспособив чуждые им знаки, отбрасывая лишние и ненужные варианты.

Такое признание творческих способностей урартского народа тем более показательное, что даже в настоящее время делаются иногда попытки свести урартскую культуру целиком и полностью к ассиро-вавилонской, признать ее чуть ли не полностью заимствованной⁷⁸.

В отношении древней Палестины (хананейской и еврейской) М. В. Никольский также воздерживался от сведения всех сторон местной жизни и культуры к вавилонским прообразам.

Таким образом, М. В. Никольский при всем своем уважении к достижениям Вавилона соглашается признать Месопотамию лишь «одним из важнейших очагов», но отнюдь не единственной колыбелью культуры⁷⁹.

М. В. Никольский как исследователь урартской письменности и истории Урарту

Исключительную роль сыграли исследования М. В. Никольского, посвященные изучению памятников Урарту. Как уже говорилось выше, возглавленная им в 1893 г. экспедиция в Закавказье обнаружила ряд клинописных урартских текстов, давших возможность проследить пути проникновения урартских войск в Закавказье. Правда, часть этих надписей была известна и раньше, но обследования их, произведенные Ми-

⁷⁷ Там же, стр. 7.

⁷⁸ В учебнике «История древнего мира» под ред. В. Н. Дьякова и Н. М. Никольского (М., 1952) говорится о том, что урартская культура не была оригинальной. В то же время необходимо отметить, что подавляющее большинство советских историков, наоборот, отмечают оригинальные черты культурного творчества урартского народа. См. В. И. Авдиев, *История Древнего Востока*, Л., 1953, стр. 478, где говорится: «многие черты урартской культуры отличаются большой самобытностью».

⁷⁹ М. В. Никольский, *Задачи русской археологической и исторической науки в Палестине и Месопотамии*, 1915, стр. 15.

хаилом Васильевичем, обнаружили много несовершенства и неточностей в прежних воспроизведениях подлинников⁸⁰. Например, на южном берегу Севанского озера еще задолго до экспедиции М. В. Никольского была известна клинообразная надпись, расположенная на недоступном месте.

В 1889 г. известный немецкий исследователь В. Бельк попытался снять с нее копию. Простояв три часа по пояс в воде, он смог скопировать лишь шестую часть надписи. При таких условиях правильная интерпретация текста не удалась, и В. Бельк (так же как английский ассириолог А. Г. Сейс) приписал ее царю Сардур II.

М. В. Никольский, используя эстампаж, снятый А. А. Ивановским, дал транскрипцию и перевод всех сохранившихся строк (девятьнадцать). Он верно определил принадлежность этой надписи Русе I. Теперь эта точка зрения принята всеми. Позже эта надпись подверглась дополнительному обследованию советского археолога Б. Б. Пиотровского, который внес кое-какие исправления, но передача основного содержания надписи осталась без изменений.

М. В. Никольский установил на основании этой надписи, что Руса I был сыном царя Сардура II, что он основал на южном берегу Севана новый центр с храмом бога Тейшебы, что урартское владычество распространилось на восток от озера Севан; М. В. Никольский прочел названия 23 стран и высказал предположение, что значительная часть их простиралась на восток, до нынешней Нахичевани⁸¹.

В других случаях Михаил Васильевич уточнил далеко не совершенные копии урартских надписей, сделанные архиепископом Месропом Сбатлянцем⁸².

В некоторых случаях он предложил новое понимание урартских слов, переводившихся до тех пор неточно. Так, М. В. Никольский впервые дал верный перевод глагола «нуаби» («пришел», а не «напал», как считали прежде)⁸³. В споре В. Белька,

⁸⁰ М. В. Никольский, *Клинообразные надписи Закавказья*, М., 1896.

⁸¹ М. В. Никольский, *Древняя страна Урарту...*, стр. 21—22.

⁸² М. В. Никольский, *Клинообразные надписи Закавказья*, стр. 7, 72 и др.

⁸³ В настоящее время выяснено также, что глагол здесь поставлен не в первом, а в третьем лице (непереходные глаголы в отличие от переходных имеют в третьем лице окончание «bi»), см. Г. А. Меликишвили, *Урартские клинообразные надписи. Морфология*, — ВДИ, 1953, № 1, стр. 275. Таким образом, в надписях, где употребляется данный оборот, речь идет о походе урартского царя, а не бога Халда. Итак, в переводы Михаила Васильевича необходимо внести соответствующие исправления. Но остается несомненным, что перевод М. В. Никольского гораздо точнее передает смысл данного слова, чем предшествующие.

Ц. Ф. Лемана и А. Г. Сейса о значении слова *su-i-ni* он встал на правильную точку зрения и отверг неверный перевод «канал». Решение этого вопроса имело большое значение, ибо помогло установить местоположение области Киехуни на берегу озера (Севан), а не канала⁸⁴.

Весьма интересны соображения М. В. Никольского относительно термина *hal-di-ni-ni*. Переводя его, по традиции, как этнический термин «халдийцы», он внес существенную оговорку, что подобное понимание носит проблематический характер, и нельзя быть уверенным в том, что урарты действительно называли себя халдийцами.

В настоящее время, когда большинство исследователей отвергают наличие этнического термина «халды» и считают это слово лишь обозначением верховного бога Урарту⁸⁵, надо подчеркнуть, что впервые этот правильный путь интерпретации спорного термина наметил М. В. Никольский.

Не всегда Михаил Васильевич оказывался прав. В настоящее время многие обороты урартского языка переводятся иначе, чем у него⁸⁶. Новая урартская грамматика, составленная Г. А. Меликишвили, в ряде моментов отвергла толкования Михаила Васильевича. Но при этом надо помнить, что причиной его ошибок было отсутствие достаточного материала.

Интересен в этом отношении спор, который возник по поводу толкования небольшой четырехстрочной надписи Аргишти у Ганли-тапа. Австрийский исследователь Д. Г. Мюллер считал, что это надпись о 10 100 «монетных единиц», в которой

⁸⁴ См. Г. А. Меликишвили, *Урартские клинообразные надписи*, стр. 215. М. В. Никольский обратил внимание на то, что для канала употребляется особый термин «*pili*», который не имеет ничего общего со словом «*šue*» (*šui*ni). В настоящее время известен еще один термин для обозначения канала — «*iši*» (там же, стр. 208). Он засвидетельствован пока только одной Кешнигельской надписью (Г. А. Меликишвили, *Урартские клинообразные надписи*, — ВДИ, 1953, № 4, стр. 220—222) и в отличие от обычного *pili* переводится (предположительно) как «арык».

⁸⁵ Г. А. Меликишвили, *Урартские клинообразные надписи*, — ВДИ, 1954, № 1, стр. 236.

⁸⁶ М. В. Никольский неправильно понимал комбинацию клинописных

знаков , транскрибируя ее *qiš žuri*, т. е. принимая за два

слова. Его недоумение по поводу того, что первый знак иногда опускается, было вполне понятно. В настоящее время вопрос разрешается весьма просто. Это слово переводится не «милость», а «оружие». Начальный знак воспринимается (в данной комбинации) не как слог *qiš*, а как детерминатив, который ставится перед наименованиями предметов, изготовляемых из дерева.

оценивается строительство крепости. М. В. Никольский справедливо отверг это фантастическое объяснение и, сопоставив спорный текст с аналогичными надписями Сардура II и Русы II, пришел к выводу, что цифры 10 100 относятся к количеству тесаных камней, из которых была сложена крепость⁸⁷.

Теперь и этот взгляд устарел, и спорное слово «капи» переводится не как денежная единица (Мюллер) и не как камень (М. В. Никольский), а как единица сыпучих тел. Выясняется, что Аргишти воздвиг не крепость, а зернохранилище, в которое было засыпано 10 100 мер зерна⁸⁸.

На этом примере видно, каких успехов достигли ученые за последнее столетие в изучении урартского языка. Но нельзя винить М. В. Никольского за отдельные творческие неудачи, неизбежные в столь трудном деле, как изучение клинописи.

Анализируя надписи урартских царей, разбросанные в различных частях Закавказья, Михаил Васильевич стремился восстановить историческую географию этих мест, сопоставляя современное состояние каждого района с прежним.

Отметив сухость климата Эриванской низменности, он высказывает предположение, что в урартский период эта местность была гораздо плодороднее, чем во времена, «предшествующие русскому обладанию этим краем». Причиной было развитие системы орошения, пришедшей в средние века в упадок⁸⁹.

В связи с этим М. В. Никольский ставит более общий вопрос о роли ирригации в Закавказье. «Вообще следует сказать, — пишет он, — что система ирригации, так сильно отражающаяся на экономических и социальных условиях этой местности, в древнее время должна была иметь значение бесконечно большее, она приводила к созданию социальных и политических комбинаций первой важности. Все жители, пользующиеся водой для орошения своих полей из одного и того же источника, должны были силою вещей составлять из себя одно общество, одно целое.

⁸⁷ М. В. Никольский, *Клинообразная надпись из Ганли-тапа около Эривани*, — ДВ, т. II, вып. 1, 1896, стр. 24—27; см. также М. В. Никольский, *Клинообразные надписи Закавказья*.

⁸⁸ Г. А. Меликишвили, *Урартские клинообразные надписи*, — ВДИ, 1953, № 3, стр. 139.

⁸⁹ До Туркманчайского договора 1828 г. район озера Севан (Гокча), как известно, принадлежал Персии. М. В. Никольский подчеркивает, что персидское господство в Закавказье (как и турецкое) приводило к разорению страны и было причиной того, что густонаселенные в древности области (о чем свидетельствуют урартские надписи) в XIX в. обладали меньшей плотностью населения (М. В. Никольский, *Древняя страна Урарту...*, стр. 6, 10).

Так как вода рек должна была расходоваться до последней капли, то регулирование этого орошения было вопросом самой первостепенной важности, и одно уже оно должно было создать и солидарность интересов и представляющую и защищающую их администрацию.

Физическая же обособленность вследствие трудности сообщения по горным перевалам и ущельям создавала обособленность политическую этих маленьких групп, образовавших из себя независимые царства или графства»⁹⁰.

Многое в этой характеристике является для нас неприемлемым. Не говоря уже о средневековом термине «графство», свидетельствующем о непонимании структуры племенных союзов, существовавших в Закавказье, следует отметить идеализацию зарождающегося рабовладельческого строя.

Конечно, на той стадии развития, когда разлагался первобытнообщинный строй и выделялась рабовладельческая аристократия, наивно было бы предполагать ту солидарность интересов, которую рисует М. В. Никольский.

Установление власти урартских деспотов должно было обострить борьбу за воду, о которой мы узнаем из многих текстов Древнего Востока.

М. В. Никольскому вообще была свойственна тенденция идеализировать древневосточные деспотии⁹¹. Однако сама мысль о том, что ирригация играла крупную роль в бассейне реки Аракса, заслуживает внимания.

В другом месте, определяя причины, побуждавшие урартских царей устремляться к берегам Гокчи (Севана), М. В. Никольский наряду с указаниями на здоровый климат, обилие рыбы, удобства сообщения, благоприятные условия защиты от неприятельских нападений обращает внимание еще на один момент: он считает, что озеро Гокча (Севан) привлекало завоевателей своими дикими красотами, вечно голубыми, красивыми волнами, манящими вдаль и внушающими предприимчивость и отвагу⁹².

Все это весьма поэтично, но мало помогает в изучении причин агрессивных войн, предпринимавшихся восточными деспотами.

⁹⁰ Там же, стр. 6. — М. В. Никольский сравнивает здесь области Закавказья, завоеванные урартами, с немецкими графствами в средневековую эпоху.

⁹¹ Например, он утверждает, что «за 15 столетий до р. х. мы видим трогательное братство народов, живой обмен благами цивилизации и высокое материальное благополучие народов Переднего Востока» (там же, стр. 3).

⁹² Там же, стр. 20.

Таким образом, историческую географию Урарту М. В. Никольского во многом следует пересмотреть. Однако его некоторые наблюдения, касающиеся топонимики, природных ресурсов, путей сообщения и т. д., мы можем использовать и в настоящее время.

Оригинальными являются предположения М. В. Никольского о первоначальном местопребывании урартского народа. По его предположению, родиной урартов был бассейн верхнего Аракса. Цари Менуа, Аргишти и Сардур II, совершая походы на север, в сущности лишь возвращались в места обитания их предков.

В пользу этой гипотезы Михаил Васильевич приводил ряд аргументов. С одной стороны, он ссылался на современное название Эриванской низменности — «Айратат», которое сопоставлял с библейским Араратом и ассирийским Урарту. Затем в названии области Уртахи, лежащей на юг от озера Севан, он искал прообраз того же Урарту⁹³.

С другой стороны, наряду с этими топонимическими домыслами М. В. Никольский стремился использовать некоторые намеки в ассирийских надписях.

Проникновение Салманассара III далеко на север от Ванского озера объяснялось, по его мнению, стремлением ассирийского царя овладеть основным районом обитания урартов⁹⁴.

В настоящее время научная гипотеза М. В. Никольского о приходе урартов с севера не пользуется признанием. Новый приток материалов не принес подтверждений в ее пользу.

Современные специалисты, в первую очередь Г. А. Меликишвили, напротив, склонны искать первоначальное ядро на восточных окраинах страны, ближе к озеру Урмия⁹⁵.

Зато гораздо удачнее оказалась другая гипотеза М. В. Никольского — об этнической связи урартов с народами Закавказья.

Решительно отвергая какую-либо связь урартского языка с семитическими, Михаил Васильевич считал наиболее приемлемым сравнительное изучение этого языка с языком одного из племен Закавказья, а именно — удинов. Он одобрял инициативу Галуста Тер-Мкртчана, предпринимавшего изучение в этом направлении.

В настоящее время вопрос рассматривается гораздо шире.

⁹³ В настоящее время выяснено, что название «Урарту» связано не с Уртахи, а совсем с другим географическим термином — Уруатри.

⁹⁴ М. В. Никольский, *Древняя страна Урарту...*, стр. 4—5.

⁹⁵ Г. А. Меликишвили, *К вопросу о древнейшем очаге урартских племен*, — ВДИ, 1947, № 4, стр. 21—29.

Некоторые исследователи связывают урартский язык с картвельской группой. Г. А. Меликишвили в упомянутом выше очерке урартской грамматики приводит множество аналогий с грузинским языком. Во всяком случае мы должны признать, что М. В. Никольский шел по правильному пути, отказавшись от сближения языка урартов с семитическими и индоевропейскими и отыскивая точку опоры в одном из языков Закавказья⁹⁶.

Работы М. В. Никольского по истории Сирии и Палестины

Занимаясь в первую очередь изучением памятников древней Месопотамии и Урарту, М. В. Никольский уделял серьезное внимание также истории Сирии и Палестины: Еще в 1872 г., когда он оканчивал Московскую духовную академию и готовился к профессорскому званию, он серьезно занимался проблемами библейской критики. Имеются сведения о том, что расхождение во взглядах по этому вопросу с профессором Горским помешало М. В. Никольскому получить профессорское звание. Позднее он также интересовался библейской критикой. Не случайно сын и ученик Михаила Васильевича Николая Михайлович Никольский в предисловии к переводу известного труда Ю. Вельгаузена «Введение в историю Израиля» (1909 г.) благодарит своего отца и учителя за оказанную ему помощь⁹⁷.

Как уже говорилось выше, в трактовке основных проблем истории Палестины М. В. Никольский не изжил воспринятых им в Московской духовной академии богословских установок.

У него нередко можно встретить заявление, что еврейский народ велик «не по своему политическому значению, а по своей религиозной миссии», что главный интерес изучения израильско-иудейской истории заключается в выявлении корней христианства, и т. д. Он не сомневается в историчности Моисея, который привел избранный народ божий в пределы земли обетованной⁹⁸. Однако следует отметить, что по одному частному

⁹⁶ Из мелких работ М. В. Никольского по истории Урарту следует еще отметить его исследование, посвященное двум геммам из агата сферической формы, найденным на Армавирском холме у селения Тападиби (М. В. Никольский, *Клинообразные надписи Закавказья*, стр. 132—133).

⁹⁷ Ю. Вельгаузен, *Введение в историю Израиля*, СПб., 1909, стр. IX, пер. с нем. Н. М. Никольского.

⁹⁸ М. В. Никольский, *Задачи русской археологической и исторической науки в Палестине и Месопотамии*, 1915, стр. 3—4.

вопросу библейской критики М. В. Никольский дал подлинно научное исследование.

Я имею в виду статью в сборнике в честь профессора Ф. Г. Корша «Харистерия», посвященную изучению двух загадочных финикийских слов «иахин» и «боаз», вырезанных на медных столбах Соломонова храма⁹⁹.

Библейский автор явно не понял этих слов и принял их за имена, данные мастером медным колоннам. М. В. Никольский в своем исследовании вскрыл полную необоснованность данных библейской традиции.

Хотя соответствующие личные имена и зафиксированы в других частях библии, но, как доказал М. В. Никольский, никакого отношения к храму Соломона они не имели.

М. В. Никольский согласен с мнением Э. Ренана, что оба слова представляют целую фразу. Однако попытка французского исследователя восстановить эту фразу представляется М. В. Никольскому натянутой¹⁰⁰. Восстановив первоначальную, более точную форму надписи с помощью данных Септуагинты, он приходит к выводу, что надпись состояла не из двух, а из трех слов и означала: «Да будет Ваал силою».

Таким образом, финикийский мастер, украшавший храм Яхве, снабдил медные колонны посвятителем надписью в честь Ваала.

Этот факт очень интересен для истории израильско-иудейской религии и лишней раз показывает, что во времена Соломона еще не могло быть речи о монотеизме.

М. В. Никольский на основании тщательно собранного библейского материала доказывает, что имя бога Ваала в указанный период отнюдь не являлось одиозным и входило в состав теофорных еврейских имен.

Исследование Михаила Васильевича вызвало большой интерес и даже было переведено на немецкий язык.

Вопросам сирийской истории посвящены две статьи, помещенные в «Древностях восточных». Одна из них посвящена раскопкам Немецкого восточного комитета в Сирии.

По своему обыкновению М. В. Никольский не ограничивается изложением фактического материала, но ставит более общие вопросы. Он подробно останавливается на роли арамей-

⁹⁹ *Харистерия* — сборник статей по филологии и лингвистике в честь Федора Евгеньевича Корша, М., 1896, стр. 419 и сл. — Перевод некоторых статей из этого сборника был помещен в «*Zeitschrift der Wissenschaftlichen Theologie*», Bd XLVIII.

¹⁰⁰ У Ренана получается туманная фраза с добавлением слов в скобках («*Que [Dieu la] fasse tenir droite Par [sa] force*»).

ского языка, который стал в I тысячелетии *lingua franca*, как прежде вавилонский язык¹⁰¹.

Выводы М. В. Никольского в этом направлении нашли теперь блестящее подтверждение, в частности благодаря находкам в Средней Азии. Как доказывает советский семитолог И. Н. Винников, надписи на парфянских сосудах первых веков нашей эры делались на арамейском языке¹⁰².

Наряду с этим М. В. Никольский ставит проблему происхождения финикийского алфавита.

На основании того, что в Северной Сирии находятся в ближайшем соседстве друг с другом хеттские иероглифические надписи и тексты, написанные финикийскими буквами, Михаил Васильевич делает вывод о возможности происхождения финикийского алфавита из хеттских писем. В настоящее время этот взгляд не получил подтверждения.

Академик В. В. Струве на основании промежуточных синайских форм связывает финикийский алфавит с египетским¹⁰³.

Нередко делаются попытки перекинуть мост от Финикии к Криту и возвести финикийские буквы к минойским.

Другая статья М. В. Никольского была посвящена разбору двух пальмирских надписей, изученных им по фотографиям, присланным директором Кавказского музея в Тифлисе Радде.

Михаил Васильевич описывает два каменных бюста (мужчины и девочки), на которых были начертаны короткие арамейские тексты¹⁰⁴.

Мы рассмотрели разностороннюю научную деятельность выдающегося русского ученого, творческий путь которого сопровождался не только успехами, но и неудачами. Многие его выводы неприемлемы для марксистской науки. Тем не менее изучение его трудов представляет для нас огромную важность.

М. В. Никольский не замыкался в рамках кабинетской работы. Это был энергичный организатор и пропагандист русского востоковедения. Не все свои планы ему удалось осуществить, но и то, что он успел сделать, вошло в фонд мировой науки.

¹⁰¹ М. В. Никольский, *Об открытиях немецкого Восточного комитета в Сирии*, — ДВ, т. II, вып. 1, 1896, стр. 110.

¹⁰² И. Н. Винников *О языке письменных памятников из Нисы (Южный Туркменистан)*, — ВДИ, 1954, № 2, стр. 115—127. — Автор доказывает, что язык нисийских надписей является не парфянским (как считали И. М. Дьяконов и В. А. Лившиц), а арамейским.

¹⁰³ В. В. Струве, *Происхождение алфавита*, Л., 1923.

¹⁰⁴ М. В. Никольский, *Две новооткрытые пальмирские надписи*, — ДВ, т. II, вып. 1, 1896, стр. 163—164.

Не случайно научные заслуги М. В. Никольского получили высокую оценку в советской науке.

Мы уже видели, как высоко ценил труды М. В. Никольского академик В. В. Струве. Профессор В. И. Авдиев в своем учебнике «История Древнего Востока» называет М. В. Никольского «первым русским крупным исследователем по истории древней Месопотамии» и отмечает, что его издание памятников хозяйственной отчетности признано классическим трудом¹⁰⁵.

Советский ассириолог Л. А. Липин также высоко оценивает исследования М. В. Никольского и убедительно доказывает их огромное значение для исторической науки¹⁰⁶.

Все это свидетельствует о большой ценности исследований выдающегося русского ассириолога, не потерявших своего значения и в наше время.

¹⁰⁵ В. И. Авдиев, *История Древнего Востока*, 1953, стр. 36—37.

¹⁰⁶ «Ученые записки Ленинградского государственного университета», № 179, серия востоковедческих наук, вып. 4, Л., 1954, стр. 317—328.